Симона де Бовуар

НЕРАЗЛУЧНЫЕ

роман

CoRPvS

Публикация “Неразлучных”— событие
для всего литературного мира.
LE FIGARO

Симона де Бовуар
Неразлучные
Серия «Литературные открытия»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65633061
Неразлучные: Издательство АСТ : CORPUS; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127274-6

Аннотация

Этот небольшой автобиографический роман блистательной Симоны де Бовуар (1908–1986), ждал своего часа почти семьдесят лет, пока его не извлекла из бумаг писательницы и не издала в 2020 году ее приемная дочь Сильви Ле Бон де Бовуар. Одна из самых ярких фигур французской культурной жизни, подруга Сартра, лидер феминистского движения и лауреат Гонкуровской премии, Симона де Бовуар не публиковала роман при жизни, считая его слишком личным. Это история пылкой дружбы двух девушек, вступающих во взрослую жизнь после Первой мировой войны. Пытаясь вырваться из плена вековых запретов, они отчаянно борются за любовь и право самим выбирать спутника жизни. Спустя несколько лет Симона де Бовуар описала те же драматические события еще раз в “Воспоминаниях благовоспитанной девицы”, однако уже совсем иначе, более обстоятельно и буднично, тогда как в “Неразлучных” автор “Второго пола” и знаменитых мемуаров предстает мастером

сюжета и эмоциональной поэтической прозы. Эта сенсационная публикация стала мировым литературным событием.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Симона де Бовуар
Неразлучные

© Éditions de L’Herne, 2020
ALL RIGHTS RESERVED
© И. Кузнецова, перевод на русский язык, 2021
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
© ООО “Издательство Аст ”, 2021
Издательство CORPUS ®

* * *

Зазе

Почему у меня слезы на глазах сегодня вечером – потому что вы умерли или потому что я жива? Эту историю я, конечно, должна посвятить вам – но я знаю, что вас больше нет нигде, а то, что я разговариваю с вами сейчас, – литературная условность. К тому же эта история не совсем ваша, она лишь навеяна нашей с вами историей. Андре – это не вы, а я не Сильви, которая говорит здесь от моего имени.

Часть первая

В девять лет я была очень послушной девочкой; я не всегда была такой, в раннем детстве тирания взрослых доводила меня до припадков настоящего бешенства, одна из моих теток даже заявила как-то раз на полном серьезе: “В Сильви вселился черт!” Война и религия укротили меня. Я сразу же совершила акт образцового патриотизма, растоптав целлулоидную куклу *made in Germany*, которую, кстати сказать, не любила. Мне сообщили, что от моего благочестия и хорошего поведения зависит, спасет ли Бог Францию, – деваться мне было некуда. Вместе с другими девочками я вышагивала по базилике Сакре-Кёр, распевая и потрясая хоругвями. Я стала много молиться и вошла во вкус. Аббат Доминик, капеллан в Коллеже Аделаиды, поощрял мое рвение. В газовом платье и капоре из ирландского кружева я приняла первое причастие – готовый пример для младших сестер. Я выхлопотала у неба, чтобы моего отца из-за слабого сердца перевели из действующей армии на службу в военное министерство.

В то утро я была в невероятном возбуждении: начинался новый учебный год, мне не терпелось скорее попасть в коллеж, на уроки, торжественные, как месса, в безмолвие коридоров, увидеть умильные улыбки наших монашек. Они носили длинные юбки, блузки с высоким воротником, а с тех

пор, как часть здания отошла под госпиталь, одевались иногда как сестры милосердия. В белых косынках с красным крестом они были похожи на святых, и я трепетала, когда они прижимали меня к груди.

Я поспешно проглотила суп и серый хлеб, сменившие довоенный шоколад с бриошами, и нетерпеливо ждала, когда мама наконец оденет моих сестер. Мы все трое носили серо-голубые пальто из настоящего офицерского сукна, скроенные как шинели. “Смотрите, тут даже есть маленький хлястик”, – говорила мама своим восхищенным или удивленным приятельницам.

На улице мама взяла младших за руки. Мы хмуро миновали кафе “Ротонда”, недавно с большим шумом открывшееся под нашей квартирой, – папа называл его притоном пораженцев. Слово “пораженцы” меня заинтересовало. “Эти люди верят, что Франция может проиграть войну, – объяснил папа. – Всех их надо расстрелять”. Я не поняла. Человек же не нарочно верит в то, во что верит. Можно ли карать человека за то, что ему приходят в голову какие-то мысли? Шпионы, которые раздают детям ядовитые конфеты или колют в метро французских женщин отравленными иголками, бесспорно, заслуживали смертной казни, но насчет пораженцев я осталась в недоумении. Маму я расспрашивать не пыталась: она всегда отвечала то же самое, что и папа.

Сестры мои шли небыстро, решетка Люксембургского сада показалась мне бесконечной. Наконец я вошла в коллеж,

поднялась по лестнице, радостно размахивая портфелем, набитым новыми книгами; я узнала слабый запах больницы, смешанный с запахом мастики в коридоре со свеженатертыми полами; надзирательницы поцеловали меня. В раздевалке я встретилась со своими прошлогодними одноклассницами – ни с одной из них я особенно не дружила, но мне нравилось, как мы все вместе шумим. Я задержалась в просторном холле у стеклянных витрин со старыми мертвыми экспонатами, умиравшими здесь во второй раз: чучела птиц теряли перья, засушенные растения осыпались, ракушки тускнели. Прозвенел звонок, и я вошла в класс Святой Маргариты. Все классные комнаты были похожи одна на другую: ученицы рассаживались вокруг овального стола, покрытого черным молескином, а во главе восседала учительница; наши мамы устраивались сзади и, приглядывая за нами, вязали подшлемники для фронта. Я подошла к своему табурету и увидела, что соседнее сиденье занято незнакомой девочкой – брюнеткой с впалыми щеками. Она казалась намного младше, чем я, ее темные блестящие глаза напряженно в меня вглядывались.

– Это вы – лучшая ученица?

– Я Сильви Лепаж, – сказала я. – Как вас зовут?

– Андре Галлар. Мне девять лет, я кажусь маленькой, потому что я горела заживо и не успела вырасти. Мне пришлось прервать учебу на год, но мама хочет, чтобы я догнала моих ровесников. Не могли бы вы дать мне посмотреть ваши

прошлогодние тетради?

– Хорошо, – сказала я.

Уверенный тон Андре, ее быстрая, четкая манера говорить меня смутили. Она настороженно наблюдала за мной.

– Моя соседка, – она кивнула на Лизетт, – говорит, что вы лучшая ученица в классе. Это так?

– Я часто бываю первой, – ответила я скромно.

Я разглядывала Андре: прямые черные волосы, на подбородке чернильное пятно. Не каждый день встретишь девочку, которая горела заживо, мне хотелось задать ей кучу вопросов, но мадемуазель Дюбуа уже входила в класс, ее длинное платье мело пол; это была проворная усатая женщина, я относилась к ней с большим почтением. Мадемуазель села и начала перекличку. Дойдя до Андре, она подняла голову:

– Ну как, дитя мое, мы не слишком робеем?

– Я не робкая, – сказала Андре спокойно и учтиво прибавила: – К тому же вы не внушаете робость.

Мадемуазель Дюбуа на миг застыла, потом улыбнулась в свои усы и продолжила перекличку.

Выход из класса в конце уроков подчинялся неизменному ритуалу: мадемуазель стояла в дверях, по очереди пожимала руки матерям и целовала в лоб каждую ученицу. Она положила руку на плечо Андре:

– Вы никогда раньше не ходили в школу?

– Нет, до сих пор я занималась дома, но теперь я уже большая.

– Надеюсь, вы будете брать пример со старшей сестры, – сказала мадемуазель Дюбуа.

– О, мы с ней совсем разные, – ответила Андре. – Малу вся в папу, она обожает математику, а я больше всего люблю литературу.

Лизетт толкнула меня локтем: не то чтобы Андре вела себя дерзко, но все-таки с учителями так не разговаривают.

– Вы знаете, где комната экстернов? Если за вами придут не сразу, вы можете там расположиться и подождать, – предложила мадемуазель.

– За мной не придут, я буду ходить домой сама, – быстро сказала Андре. – Моя мама предупредила…

– Одна? – переспросила мадемуазель Дюбуа. Она пожала плечами: – Ну, раз ваша мама предупредила…

Меня она потом тоже поцеловала в лоб, и я пошла следом за Андре в вестибюль. Она надела пальто – менее оригинальное, чем мое, но очень красивое – из красного ратина с золотыми пуговицами; это не уличная девчонка, как же ей позволяют ходить одной по городу? Разве ее мать не знает об отравленных конфетах и ядовитых иголках?

– Где вы живете, Андре, деточка? – спросила мама, когда мы вместе с сестрами спускались по лестнице.

– На улице Гренель.

– Вот и хорошо, мы проводим вас до бульвара Сен-Жермен, – сказала мама. – Нам по пути.

– Спасибо, – ответила Андре, – но не утруждайтесь ра-

ди меня. – Она серьезно посмотрела на маму. – Понимаете, мадам, нас семеро детей, мама говорит, что мы должны научиться быть самостоятельными.

Моя мама кивнула, но она явно этого не одобряла.

Едва выйдя на улицу, я набросилась на Андре с вопросами:

– Как же вы горели заживо?

– Когда пекла картошку в костре. У меня загорелось платье, и я сожгла правую ляжку до кости. – Андре нетерпеливо махнула рукой, ей явно надоела эта история. – Когда можно будет посмотреть ваши тетрадки? Мне нужно знать, что вы проходили в прошлом году. Скажите, где вы живете, и я зайду к вам сегодня после обеда. Или завтра.

Я вопросительно посмотрела на маму – в Люксембургском саду мне не разрешали играть с незнакомыми девочками.

– На этой неделе не получится, – сказала мама, замявшись. – Давайте отложим до субботы.

– Хорошо, подожду до субботы, – согласилась Андре.

Я смотрела, как она переходит бульвар в своем красном ратиновом пальто; Андре была и правда очень маленькая, но шагала уверенно, как взрослая.

– Твой дядя Жак был знаком с некими Галларами, состоявшими в родстве с Лавернями, кузенами Бланшаров, – задумчиво проговорила мама. – Интересно, это те Галлары или не те? Но мне кажется, порядочные люди не позволили бы

девятилетней крошке разгуливать одной по улицам.

Мои родители долго обсуждали разные ветви семейства Галларов, о которых они что-то слышали от близких или далеких знакомых. Мама расспросила наших монашек. Родственные связи родителей Андре с Галларами дяди Жака прослеживались весьма туманно, но это были в высшей степени достойные люди. Месье Галлар, окончивший в свое время Политехническую школу, занимал хорошее положение в компании “Ситроен” и возглавлял Лигу отцов многодетных семей; его жена, урожденная Ривьер де Бонней, принадлежала к известному роду воинствующих католиков и пользовалась всяческим уважением у прихожанок церкви Святого Фомы Аквинского.

Догадавшись, очевидно, о колебаниях моей матери, мадам Галлар в субботу пришла в школу встретить Андре после уроков. Она оказалась красивой женщиной с карими глазами, на шее у нее была черная бархотка со старинным украшением; она покорила маму, сказав, что та кажется моей старшей сестрой, и называя ее “моя маленькая мадам”. А мне не понравилась ее бархотка.

Не скупясь на подробности, она поведала маме о страданиях, выпавших на долю ее дочери: обуглившееся до кости бедро, огромные волдыри вокруг, бесконечные повязки с амбрином, тяжелый бред и поразительное мужество девочки – во время игры один мальчик случайно ударил ее ногой, раны открылись, и Андре так старалась не закричать от боли, что

потеряла сознание.

Когда она пришла к нам изучать мои тетрадки, я смотрела на нее с почтением; Андре делала записи красивым, уже сформировавшимся почерком, а я думала об ее распухшем бедре под короткой плиссированной юбкой. Никогда со мной не случалось ничего настолько интересного. Мне вдруг показалось, что со мной вообще никогда ничего не случалось.

Со всеми знакомыми детьми мне было скучно, а Андре смешила меня, когда мы гуляли с ней на переменах в школьном дворе; она замечательно изображала порывистые жесты мадемуазель Дюбуа, елейный голос мадемуазель Вандру, директрисы; от старшей сестры Андре знала массу школьных секретов: наши учительницы принадлежали к ордену иезуитов, они носили косой пробор, пока были послушницами, и прямой – после того как принимали постриг. Тридцатилетняя мадемуазель Дюбуа была из них самой молодой: она сдала экзамен на бакалавра в прошлом году, девочки из старших классов видели ее в Сорбонне, краснеющую и стесняющуюся своих юбок. Меня слегка коробила непочтительность Андре, но с ней было весело, и я подыгрывала ей, когда она сочиняла на ходу какой-нибудь диалог между нашими монашками. Ее пародии были настолько точными, что часто на уроке мы толкали друг друга в бок, глядя, как мадемуазель Дюбуа резко распахивает журнал или захлопывает книгу. Однажды на меня напал такой дикий хохот, что меня бы

наверняка выставили из класса, если бы в целом мое поведение не было столь примерным.

Первое время, когда я бывала в гостях у Андре, у меня голова шла кругом: помимо ее братьев и сестер, у них на улице Гренель вечно толпилась масса друзей и кузенов; они носились, кричали, распевали во все горло, наряжались невесть в кого, прыгали по столам, опрокидывали мебель; иногда Малу – ей было уже пятнадцать, и она строила из себя взрослую – пыталась вмешаться, но тут же раздавался голос мадам Галлар: “Оставь их, пусть дети играют”. Как ни странно, болячки, синяки, испачканная одежда и разбитые тарелки нисколько ее не волновали. “Мама никогда не сердится”, – говорила мне в таких случаях Андре, победоносно улыбаясь. Ближе к вечеру мадам Галлар заходила в разгромленную нами комнату, с улыбкой поднимала упавший стул и вытирала лоб Андре: “Ты опять вся потная!” Андре прижималась к ней, и на мгновение ее лицо преображалось: я отводила глаза, испытывая неловкость, к которой, несомненно, примешивалась ревность плюс, вероятно, зависть и еще тот особый страх, какой внушает тайна.

Меня научили, что надо одинаково любить папу и маму – Андре не скрывала, что предпочитает мать. “Папа слишком серьезный”, – сказала она мне однажды совершенно спокойно. Месье Галлар оставался для меня загадкой, потому что был не похож на моего папу. Мой отец не ходил в церковь и улыбался, если при нем заходила речь о чудесах Лур-

да[1]. Я слышала, как он говорил, что его единственная религия – любовь к Франции. Меня не смущало его безбожие, и мама, глубоко верующая, вроде бы находила это нормальным; у человека высшего порядка, каковым являлся мой папа, отношения с Богом неизбежно должны были складываться сложнее, чем у женщин и девочек. Месье Галлар, напротив, причащался каждое воскресенье вместе со всей семьей, у него была длинная борода, пенсне, а в свободное время он занимался общественной деятельностью. В его христианских добродетелях и шелковистой растительности на лице мне виделось нечто женственное, ронявшее его в моих глазах. Впрочем, он появлялся только в исключительных случаях. Домом управляла мадам Галлар. Я завидовала той свободе, которую она предоставляла Андре, и хотя она всегда была со мной чрезвычайно приветлива, я чувствовала себя в ее присутствии неуютно.

Иногда Андре говорила: “Мне надоело играть”. Тогда мы шли посидеть в кабинет месье Галлара; свет мы не зажигали, чтобы нас там не обнаружили, и беседовали. Это удовольствие было для меня новым. Мои родители говорили со мной, и я с ними говорила, но мы не беседовали; с Андре у нас были настоящие разговоры, как у папы с мамой по вечерам. Андре, пока болела, прочла массу книг и, к моему

---

[1] *Лурд* – крупный центр паломничества во Франции, славится чудесными исцелениями; по преданию, в 1858 году местной девушке Бернадетте Субиру восемнадцать раз являлась Дева Мария. *(Здесь и далее – прим. перев.)*

удивлению, судя по всему, верила, будто то, что в них рассказывается, происходило на самом деле: она терпеть не могла Горация и Полиевкта[2], восхищалась Дон Кихотом и Сирано де Бержераком, словно это были люди из плоти и крови. Имелись у нее отчетливые пристрастия и в истории человечества. Она любила древних греков, римляне нагоняли на нее скуку, равнодушная к страданиям Людовика XVII, она бурно переживала смерть Наполеона.

Многие из ее взглядов были, бесспорно, предосудительными, но ввиду юного возраста наши монашки ей их прощали. “У этой девочки есть индивидуальность”, – говорили в коллеже. Андре быстро наверстывала отставание, я с трудом побеждала ее по результатам письменных работ; она удостоилась чести переписать два своих сочинения в Золотую книгу. Андре так хорошо играла на фортепьяно, что ее сразу же определили в группу к старшим девочкам; вдобавок она еще начала брать уроки скрипки. Шить она не любила, но получалось у нее хорошо; она прекрасно готовила крем-брюле, песочное печенье, шоколадные трюфели, при всей своей хрупкости ловко делала колесо, шпагат и всякие кульбиты. Но что окружало Андре особым ореолом в моих глазах, это некие загадочные свойства ее натуры, их суть так никогда мне и не открылась: если она видела персик или орхидею или кто-то произносил при ней эти слова, Андре вздрагива-

---

[2] *Гораций* и *Полиевкт* – герои одноименных трагедий Пьера Корнеля (1606–1684).

ла, и руки у нее покрывались гусиной кожей. В такие моменты самым волнующим образом проявлялся доставшийся ей от неба дар, который так меня завораживал, – индивидуальность. В глубине души я считала, что Андре, несомненно, из тех вундеркиндов, чью жизнь потом описывают в книгах.

* * *

Почти все ученицы нашего коллежа уехали из Парижа в середине июня из-за бомбежек и “Большой Берты”[3].

Галлары поехали в Лурд, они каждый год отправлялись туда в длительное паломничество; сын работал санитаром, таскал носилки, а старшие дочери вместе с матерью мыли посуду в каком-то приюте; меня восхищало, что Андре доверяют такое взрослое дело, я за это уважала ее еще больше.

Я, со своей стороны, гордилась героическим упрямством моих родителей: не покидая Париж, мы демонстрировали нашим храбрым фронтовикам, что гражданские “держатся”. Я осталась в нашем классе вдвоем с большой двенадцатилетней дурой и важничала. Однажды утром я пришла в коллеж и обнаружила, что все – и учителя, и ученицы – прячутся

---

[3] *“Большая Берта”,* или “Толстушка Берта” – немецкая мортира, наводившая ужас во время Первой мировой войны. Во Франции долго считалось, что обстрелы Парижа в 1918 году велись из “Большой Берты”, хотя на самом деле для этого было создано специальное сверхдальнобойное орудие “Колоссаль”, также известное как “Парижская пушка” или “Труба кайзера Вильгельма”.

в подвале. Дома мы над этим долго смеялись. Когда случалась воздушная тревога, мы в подвал не спускались, жильцы верхних этажей искали убежища у нас и ночевали на диванчиках в передней. Вся эта суматоха мне страшно нравилась.

В конце июля мы с мамой и сестрами поехали в Садернак. Дедушка, помнивший осаду Парижа 1871 года, считал, что мы там все это время ели крыс; два месяца он откармливал нас курятиной и пирогами с вишней. Для меня это были счастливые дни. В гостиной стоял книжный шкаф, полный старых книг с рыжеватыми пятнами на страницах. Запретные книги упрятали на самый верх, и мне разрешалось свободно рыться на нижних полках. Я читала, играла с сестрами, гуляла. Я много гуляла в то лето. Бродила по каштановым рощам, царапая руки о колючие папоротники, собирала в ложбинах вдоль дорог букеты жимолости и бересклета, ела ежевику, ягоды земляничного дерева, кизил, кисленький барбарис, вдыхала волны ароматов цветущей гречихи, ложилась на землю, чтобы уловить тайный запах вереска. Потом усаживалась на поляне под серебристыми тополями и открывала роман Фенимора Купера. Когда дул ветер, тополя шелестели. Ветер меня окрылял. Мне казалось, что деревья от края до края земли говорят друг с другом и с Богом; это были музыка и молитва, они пронизывали мое сердце, поднимаясь к небу.

Каждый день в Садернаке приносил мне бесчисленные ра-

дости, но о них трудно было рассказать; я посылала Андре лишь короткие открытки, она тоже почти не писала мне. Она проводила каникулы в Ландах у бабушки по материнской линии, каталась на лошадях, развлекалась и должна была вернуться в Париж только к середине октября. Я вспоминала о ней редко. На каникулах о своей парижской жизни я почти никогда не думала.

Я всплакнула, прощаясь с тополями, – годы делали меня сентиментальной. Но в поезде вспомнила, как люблю первый день в коллеже. Папа встретил нас на перроне в своей серо-голубой форме, он сказал, что война скоро кончится. Учебники показались мне еще более новенькими, чем в прошлом году: они были толще, красивее, похрустывали в руках, приятно пахли; в Люксембургском саду стоял упоительный запах палой листвы и выгоревшей травы. Наши монашки порывисто меня расцеловали, мои летние задания удостоились высоких похвал. Почему же я чувствовала себя такой несчастной? Вечером, после ужина, я устраивалась в передней, читала или записывала в тетрадь разные истории; сестры спали, в глубине квартиры папа читал маме вслух – это был один из лучших моментов дня. А я лежала на красном ковре, ничего не делая, в каком-то отупении. Смотрела на нормандский шкаф и деревянные резные часы, таившие в своей утробе две медные шишки и тьму времен; в стене зияла отдушина отопления: сквозь позолоченную решетку сочилось тепло тошнотворного дыхания, поднимавшегося из

неведомых бездн. От этого полумрака и всех этих безмолвных предметов мне вдруг стало страшно. Я слышала папин голос, знала, как называется книга – “Опыт о неравенстве человеческих рас” графа Гобино; в прошлом году это было “Происхождение современной Франции” Ипполита Тэна. На будущий год он начнет новую книгу, а я по-прежнему буду лежать тут, между шкафом и часами. Сколько лет? Сколько вечеров? Это и значит жить – убивать один день за другим? Неужели мне будет так скучно до самой смерти? Я решила, что тоскую по Садернаку, и перед тем как уснуть, пролила еще несколько слезинок по тополям.

Два дня спустя мне во внезапном озарении открылась разгадка. Я вошла в класс Святой Екатерины, и мне улыбнулась Андре. Я тоже улыбнулась ей и протянула руку:

– Когда вы вернулись?

– Вчера вечером. – Андре посмотрела на меня с некоторым лукавством. – А вы, конечно, были здесь к первому дню занятий?

– Да, – сказала я. – Как вы провели каникулы?

– Очень хорошо.

Мы обменивались банальными фразами, как взрослые, но я вдруг с изумлением и радостью поняла, что пустота у меня в душе, томительное уныние последних дней имели одну-единственную причину – отсутствие Андре. Жить без нее было все равно что больше не жить. Мадемуазель де Вильнёв уже села на свой трон, а я все повторяла про себя: “Без

Андре я больше не живу”. Моя радость сменилась тревогой: но раз так, спросила я себя, что со мной станется, если она умрет? Я буду сидеть на этом табурете, войдет директриса и скажет скорбным голосом: “Помолимся, дети мои! Вашу одноклассницу Андре Галлар сегодня ночью призвал Господь”. Что ж, решила я, все просто: я соскользну с табурета и тоже упаду замертво. Эта мысль меня не пугала, ведь мы сразу же встретимся у врат небесных.

Одиннадцатого ноября праздновали перемирие, люди обнимались на улицах. Четыре года я молилась, чтобы этот великий день настал, и ждала от него каких-то потрясающих перемен, в моем сердце оживали смутные воспоминания о прежних временах. Папа снова стал ходить в штатском, но больше не произошло ничего; он постоянно говорил о каком-то крупном вложении, которое у него отняли большевики; эти чужие, далекие люди, чье название подозрительно напоминало опасное слово “боши”, обладали, судя по всему, колоссальным могуществом; и потом, Фош[4], конечно, сплоховал, позволил обвести себя вокруг пальца, – надо было идти дальше, на Берлин. Будущее виделось папе таким мрачным, что он не решился снова открыть свою юридическую контору. Он нашел место в страховом агентстве, но объявил, что нужно сократить траты. Мама уволила Элизу – она, кста-

---

[4] Фердинанд *Фош* (1851–1929) – французский военачальник времен Первой мировой войны, маршал Франции, в 1918 году командовал союзными войсками.

ти, вела себя плохо, гуляла по вечерам с пожарниками – и взяла все заботы по хозяйству на себя; по вечерам она бывала раздражительна, папа тоже, сестры часто плакали. Но я ничего этого не замечала, потому что у меня была Андре.

Андре подросла и окрепла; я перестала думать, что она может умереть, но меня подстерегала другая опасность: в коллеже к нашей дружбе стали относиться неодобрительно. Андре училась блестяще, я сохраняла место первой ученицы только потому, что она не снисходила до того, чтобы его занять; я восхищалась ее раскованностью, но не способна была вести себя так же. Между тем она утратила расположение наших монашек. Они находили ее непредсказуемой, насмешливой, высокомерной, обвиняли в том, что она себе на уме; им не удавалось поймать ее на дерзости – Андре всегда была неукоснительно вежлива, и, вероятно, именно это их особенно раздражало.

Они отыгрались в день фортепианного концерта. Актовый зал был полон: в первых рядах ученицы в пышных платьях, с завитыми локонами и бантами, за ними учительницы и надзирательницы в шелковых блузках и белых перчатках, сзади родители и приглашенные. Андре, наряженная в платье из синей тафты, исполнила вещь, которую ее мать считала слишком для нее трудной и где Андре обычно немного сбивалась. Я волновалась, чувствуя, как в нее впились все эти недобрые взгляды, когда начался коварный пассаж; она сыграла его без единой ошибки и, бросив на мать тор-

жествующий взгляд, показала ей язык. Девочки все как одна вздрогнули, тряхнув буклями; шокированные мамаши с негодованием закашлялись, наши монашки переглянулись, а директриса стала пунцовой. Когда Андре спустилась со сцены, она подбежала к матери, и та расцеловала дочь с таким искренним смехом, что мадемуазель Вандру не посмела ее отругать. Но через несколько дней она пожаловалась моей маме, что Андре плохо на меня влияет: мы болтаем на уроках, я хихикаю, отвлекаюсь, сказала, что подумывает, не рассадить ли нас на время занятий, и я неделю прожила в страхе. Мадам Галлар, ценившая мою страсть к учению, без труда убедила маму, что нас лучше оставить в покое, и поскольку они обе были для нашего заведения весьма выгодными клиентками – у мамы три дочери, у мадам Галлар шесть плюс связи в обществе, – то мы продолжали сидеть вместе, как и прежде.

Грустила бы Андре, если бы нас разлучили? Наверняка меньше, чем я. Нас называли неразлучными, и она предпочитала меня другим одноклассницам. Но она так обожала свою мать, что перед этим обожанием, как я догадывалась, меркли все остальные чувства. Семья была для нее необычайно важна. Андре подолгу возилась с новорожденными близнецами, купала, одевала эти бесформенные тельца, считала, что понимает их лепет, их невнятную мимику, нежно баюкала их. Кроме того, в ее жизни огромное место занимала музыка. Когда она садилась за рояль, когда пристраивала

скрипку под подбородком и сосредоточенно слушала пение инструмента под своими пальцами, мне казалось, что она ведет разговор с самой собой – по сравнению с этим долгим диалогом, тайно происходившим в ее сердце, наши с ней беседы представлялись мне детской болтовней. Иногда мадам Галлар, которая прекрасно играла на фортепьяно, аккомпанировала Андре, игравшей на скрипке, и в такие минуты я чувствовала себя совсем лишней. Нет, наша дружба не значила для Андре так много, как для меня, но я слишком восхищалась ею, чтобы страдать от этого.

Через год мои родители переехали с бульвара Монпарнас на улицу Кассет, в тесную квартирку, где у меня не было даже крохотного собственного уголка. Андре предложила мне хоть каждый день заниматься у нее. Всякий раз, входя к ней в комнату, я так волновалась, что хотелось перекреститься. Над кроватью висело распятие с самшитовой веточкой, напротив – “Святая Анна” да Винчи, на камине портрет матери и фотография дома в Бетари, на полках личная библиотека Андре: “Дон Кихот”, “Путешествия Гулливера”, “Евгения Гранде”, “Роман о Тристане и Изольде”, откуда она целые страницы знала наизусть. Обычно ей нравились книги реалистические или сатирические, и ее пристрастие к этой любовной эпопее меня озадачивало. Я лихорадочно вопрошала стены и предметы, окружавшие Андре. Мне хотелось понять, что она говорит себе, когда водит смычком по струнам скрипки. Хотелось знать, почему, имея столько привя-

занностей, столько разных занятий и дарований, она порой выглядит безучастной и кажется мне печальной. Андре была очень набожна. Когда я ходила молиться в нашу часовню при коллеже, то иногда заставала ее там, она стояла на коленях перед алтарем, закрыв лицо ладонями или простирая руки к изображению Страстей Христовых. Может быть, она собиралась в будущем стать монахиней? Однако Андре весьма дорожила своей свободой и радостями этого мира. У нее блестели глаза, когда она рассказывала мне о каникулах – как она часами скакала на лошади по сосновым лесам, где низкие ветви царапали ей лицо, плавала в стоячих водах прудов и в текучих водах Адура[5]. Не об этом ли рае она мечтала, когда с блуждающим взглядом застывала над тетрадями? Однажды она заметила, что я наблюдаю за ней, и смущенно улыбнулась:

– Вы считаете, что я теряю время?

– Я? Нет, что вы!

Андре посмотрела на меня чуть иронически:

– А вам никогда не случается о чем-то мечтать?

– Нет, – ответила я смиренно.

О чем мне было мечтать? Я больше всего на свете любила Андре, и она была рядом.

Я не мечтала, я всегда хорошо знала урок и интересовалась всем на свете; Андре посмеивалась надо мной – она посмеивалась более или менее надо всеми, и я принимала ее

---

[5] *Адур* – река на юго-западе Франции.

насмешки весело. Но один раз она все-таки задела меня за живое. В тот год я неожиданно поехала на пасхальные каникулы в Садернак. Там я открыла для себя весну и была потрясена. Я уселась за садовый стол перед чистым листом бумаги и в течение двух часов описывала Андре молодую травку, усеянную примулами и желтыми нарциссами, запах глициний, синеву неба и великие порывы моей души. Она мне не ответила. Когда мы встретились в вестибюле коллежа, я спросила ее с упреком:

– Почему вы мне не писали? Вы не получили мое письмо?

– Получила, – сказала Андре.

– Тогда вы противная лентяйка!

Андре рассмеялась:

– Я подумала, что вы по рассеянности прислали мне каникулярное сочинение.

Я почувствовала, что краснею:

– Сочинение?

– Да ладно, не для меня же одной вы наворотили всю эту литературу! Наверняка это был черновик сочинения “Опишите весну”.

– Нет. Это, возможно, плохая литература, но я написала это письмо только для вас.

Подошли любопытные болтушки сестры Булар, и мы замолчали. Но потом, в классе, я наделала ошибок в задании по латыни. Андре посмеялась нам моим письмом, это было обидно. Но главное, она не подозревала, до какой степени

мне необходимо делиться с ней абсолютно всем, и это огорчало меня сильнее всего: она даже не догадывалась – я только теперь это поняла, – как она мне дорога.

Мы вместе вышли из коллежа. Мама больше не встречала меня, и я возвращалась домой с Андре. Внезапно она взяла меня под руку – это было неожиданно, обычно мы держались на расстоянии.

– Сильви, мне стыдно за то, что я наговорила вам утром, – сказала она взволнованно. – Это я со зла, я ведь отлично знаю, что ваше письмо вовсе не школьное сочинение.

– Оно было дурацкое, – вздохнула я.

– Вовсе нет! По правде говоря, в тот день, когда я его получила, у меня было отвратительное настроение, а вы, как мне показалось, блаженствовали.

– Из-за чего у вас было плохое настроение? – спросила я.

Андре помолчала.

– Просто так, не из-за чего. Из-за всего. – Она замялась. – Мне надоело быть ребенком! – воскликнула она внезапно. – Вам не кажется, что это затянулось?

Я посмотрела на нее с удивлением: Андре была гораздо свободнее меня, а я, хотя дома у нас было невесело, вовсе не желала становиться взрослой. Мысль, что мне уже тринадцать, меня ужасала.

– Нет, – сказала я. – У взрослых жизнь такая однообразная, каждый день похож на вчерашний, ничего нового не узнаёшь…

– Ах, в жизни есть не только учеба, – ответила Андре раздраженно.

Мне хотелось возразить: “Есть не только учеба, есть вы”. Но мы сменили тему. Я в отчаянии говорила себе: в книгах люди признаются друг другу в любви, в ненависти, они не боятся рассказывать все, что происходит у них в душе, почему же в жизни такое невозможно? Я готова шагать два дня и две ночи, без еды и питья, чтобы увидеть Андре на час, чтобы она не грустила, а она ничего об этом не знает!

Несколько дней я уныло пережевывала эту мысль, и вдруг меня озарило: я сделаю ей подарок на день рождения.

Родители все-таки непредсказуемы – обычно любые мои затеи мама считала заведомо нелепыми, но идею этого подарка она одобрила. Я решила сшить по выкройке из журнала “Мод пратик” роскошную сумочку. Выбрала красно-синий шелк с золотой вышивкой, плотный и блестящий, показавшийся мне сказочно прекрасным, натянула его на плетеный каркас из спартри, который тоже сделала сама. Шить я ненавидела, но так старалась, что когда сумочка была готова, она выглядела действительно очень красиво – с подкладкой из вишневого атласа и боковой гармошкой. Я завернула ее в шелковую бумагу, положила в коробку и перевязала ленточкой.

В день тринадцатилетия Андре мама пошла со мной на праздник. Там уже собралось много народу, и я смущенно протянула коробку Андре:

– Это вам ко дню рождения. – Она удивленно на меня посмотрела, и я прибавила: – Я сама ее сделала.

Андре развернула маленькую сверкающую сумочку, и щеки ее зарделись.

– Сильви! Это просто чудо! Как мило с вашей стороны!

Мне показалось, что, не будь рядом наших мам, она бы меня расцеловала.

– Поблагодари и мадам Лепаж, – предложила ее мать своим мягким голосом. – Это, конечно, она взяла на себя весь труд…

– Спасибо, мадам, – быстро сказала Андре и снова восхищенно улыбнулась мне.

Пока мама вяло протестовала, я почувствовала, как меня что-то кольнуло внутри. Я вдруг поняла, что мадам Галлар меня недолюбливает.

* * *

Сегодня я могу только восхищаться чутьем этой проницательной женщины: дело в том, что я начала меняться. Наших учительниц я теперь находила безнадежными дурами, развлекалась тем, что задавала им каверзные вопросы, спорила с ними, дерзила в ответ на их замечания. Мама меня слегка бранила, а папа, когда я рассказывала ему о своих стычках с нашими монашками, смеялся; его смех избавлял меня от угрызений совести, но мне и в голову не приходило, что мои

выходки могут не нравиться Богу. Когда я исповедовалась, я думать не думала о таких пустяках. Я причащалась несколько раз в неделю, аббат Доминик подталкивал меня на путь созерцательного мистицизма – моя мирская жизнь не имела ничего общего с этим духовным призванием. Прегрешения, в которых я каялась, касались главным образом состояний моей души: я недостаточно истово верила, слишком надолго забывала о божественном присутствии, молилась рассеянно, была к себе чересчур снисходительна. Однажды, перечислив все эти провинности, я услышала через окошечко исповедальни голос аббата Доминика:

– Это все?

Я растерялась.

– Мне сообщили, что моя маленькая Сильви уже не та, что прежде. Говорят, она стала невнимательной, непослушной, дерзкой.

У меня запылали щеки, я не могла выдавить из себя ни слова.

– С сегодняшнего дня ты должна начать исправляться, – произнес голос аббата. – Мы поговорим об этом в следующий раз.

Аббат Доминик отпустил мне грехи, я выскочила из исповедальни с горящим лицом и убежала из часовни без покаяния. Шок был намного сильнее, чем в тот день, когда мужчина в поезде метро приоткрыл полу своего пальто и показал мне что-то розоватое.

Восемь лет я преклоняла колени перед аббатом Домиником, как преклоняют колени перед Господом, а он оказался просто старым сплетником, судачил с нашими монашками и принимал их россказни всерьез. Мне было стыдно, что я открывала ему душу, он меня предал. С тех пор, заметив в коридоре его черную сутану, я заливалась краской и убегала.

До конца этого года и весь следующий я исповедовалась у викариев церкви Сен-Сюльпис и часто их меняла. Я продолжала молиться и медитировать, но во время каникул у меня случилось озарение. Я по-прежнему любила Садернак и, как раньше, много там гуляла, но ежевика и орешки с живых изгородей меня больше не привлекали, мне хотелось попробовать сок молочая, раскусить ядовитые ягоды цвета сурика с красивым загадочным названием “соломонова печать”. Я делала множество запретных вещей: ела яблоки до обеда, тайком брала с верхних полок романы Дюма, вела познавательные разговоры о том, откуда берутся дети, с дочкой арендатора; ночью в постели рассказывала себе весьма странные истории и приходила от них в весьма странное состояние.

Как-то вечером, лежа на мокром лугу под луной, я подумала: “Это все грех”, – однако была твердо намерена и дальше есть, читать, говорить и мечтать, как мне нравится. “Я не верю в Бога!” – сказала я себе. Разве можно верить в Бога и сознательно отказываться повиноваться Ему? Я лежала какое-то время потрясенная открывшейся мне очевидной истиной: я не верю.

Не верил папа, не верили мои любимые писатели; конечно, без Бога мир необъясним, но Бог тоже мало что объясняет, во всяком случае, все равно ничего не понятно. Я легко освоилась с этим новым состоянием. Тем не менее, вернувшись в Париж, я впала в панику. Нельзя запретить себе думать то, что думаешь, но папа когда-то говорил, что пораженцев надо расстреливать, а в прошлом году одну нашу старшеклассницу выгнали из коллежа за то, что, как шепотом говорили, она утратила веру. Мне надо было тщательно скрывать свою ущербность, я просыпалась по ночам в холодном поту при мысли, что Андре может что-то заподозрить.

К счастью, мы никогда не говорили с ней ни о сексе, ни о религии. Нас занимала масса других проблем. Мы изучали Великую французскую революцию, восхищались Камилом Демуленом, мадам Ролан[6] и даже Дантоном. Мы бесконечно обсуждали, что есть справедливость, равенство, частная собственность. Мнение наших монашек в этих вопросах в расчет не принималось, а устаревшие взгляды родителей нас уже не устраивали. Мой отец охотно читал “Аксьон франсез”[7]. Месье Галлар был ближе к демократам, в юности

---

[6] *Мадам Ролан* (Манон Жанна Ролан де Ла Платьер, 1754–1793) – одна из деятельниц Великой французской революции, автор знаменитых “Мемуаров”, написанных в тюрьме; казнена по приговору революционного трибунала.

[7] *“Аксьон франсез”* (“Французское действие”) – монархическая и националистическая организация, созданная в 1898 году Шарлем Моррасом и выпускавшая газету с тем же названием.

увлекался Марком Санье[8], но юность осталась далеко, и он объяснял Андре, что любой социализм неизбежно ведет к уравниловке и уничтожению духовных ценностей. Нас это не убеждало, но кое-какие его доводы вселяли тревогу.

Мы пытались расспрашивать подруг Малу, взрослых девушек, которые должны были бы знать больше, чем мы, но они думали так же, как месье Галлар, и вообще эти вещи мало их интересовали. Они предпочитали говорить о музыке, о живописи, о литературе, и к тому же неумно. Малу иногда просила нас, когда принимала гостей, подавать им чай, но она чувствовала, что мы невысокого мнения о ее подругах, и пыталась в отместку поставить Андре на место. Однажды Изабель Баррьер, влюбленная – очень романтически – в своего учителя фортепьяно, женатого человека, отца троих детей, завела разговор о любовных романах. Малу, кузина Гита, сестры Гослен по очереди рассказывали, какие книги о любви им нравятся.

– А тебе, Андре? – спросила Изабель.

– Мне скучно читать про любовь, – ответила Андре сдержанно.

– Да что ты! – оживилась Малу. – Всем известно, что ты наизусть знаешь “Тристана и Изольду”.

Малу объявила, что роман ей не нравится, зато он нравил-

---

[8] *Марк Санье* (1873–1950) – французский журналист и общественный деятель, в 1894 году основал демократическое католическое движение, целью которого было сближение церкви с республиканскими идеалами.

ся Изабель, и та мечтательно сообщила, что ее чрезвычайно взволновала эта история платонической любви.

Андре расхохоталась:

– Любовь Тристана и Изольды платоническая? Нет, ничего платонического в ней нет.

Повисло неловкое молчание, и Гита сухо сказала:

– Маленькие девочки не должны рассуждать о том, чего не понимают.

Андре снова засмеялась и ничего не ответила. Я ошарашенно смотрела на нее. Что она имела в виду? Мне самой была понятна только одна любовь – моя любовь к ней.

– Бедняжка Изабель! – хмыкнула Андре, когда мы пришли к ней в комнату. – Придется ей забыть своего Тристана, она почти помолвлена с каким-то плешивым уродом. Надеюсь, Изабель верит, что любовь снизойдет на нее милостью Божьей во время венчания!

– В каком смысле?

– Моя тетя Луиза, мать Гиты, утверждает, что в тот миг, когда жених и невеста произносят сакраментальное “да”, они мгновенно влюбляются друг в друга. Понимаете, для матерей эта теория – настоящий подарок. Не нужно беспокоиться о чувствах своих дочек: Бог все устроит.

– Никто не может всерьез в это верить, – удивилась я.

– Гита верит. – Андре помолчала. – Мама до такого, конечно, не дошла, но она говорит, что, когда вступаешь в брак, обретаешь благодать от Бога.

Андре бросила взгляд на портрет матери.

– Мама очень счастлива с папой, – сказала она нерешительно. – Но она ни за что бы за него не вышла, если бы бабушка ее не заставила. Она два раза ему отказывала.

Я посмотрела на фотографию мадам Галлар: не верилось, что когда-то у нее было сердце молодой девушки.

– Отказывала?!

– Да. Находила его слишком суровым. Он любил ее и не отступался. И после помолвки она тоже его полюбила. – Голос Андре звучал не слишком уверенно.

Несколько минут мы молча это обдумывали.

– Мало радости проводить целые дни рядом с человеком, которого не любишь, – сказала я.

– Да ужас просто!

Ее передернуло, как будто она увидела орхидею, и руки ее покрылись гусиной кожей.

– На уроках катехизиса нас учат, что мы должны уважать свое тело. Значит, продавать себя в браке так же плохо, как продавать себя на улице, – заключила она.

– Можно же не выходить замуж.

– Я выйду, – ответила Андре. – Но не раньше чем в двадцать два года. – Она вдруг резким движением выложила на стол сборник латинских текстов. – Давайте позанимаемся?

Я села рядом, и мы погрузились в перевод описания битвы при Тразименском озере[9].

---

[9] *Битва при Тразименском озере* – сражение между римлянами и карфагеня-

Нас больше не звали подавать чай подругам Малу. Чтобы получить ответы на мучившие нас вопросы, определенно приходилось рассчитывать только на себя. Мы никогда столько не разговаривали, как в тот год. И, несмотря на свою тайну, которую я Андре не открывала, мы никогда не были так близки. Нам разрешали ходить вместе в театр “Одеон” смотреть классику. Мы открыли для себя романтизм: я была в восторге от Гюго, Андре предпочитала Мюссе, и мы обе восхищались Виньи.

Мы начинали строить планы на будущее. Я уже знала, что, сдав экзамены на бакалавра, буду учиться дальше, Андре надеялась, что ей тоже родители позволят поступить в Сорбонну.

В конце четверти случилась самая большая радость за все мое детство: мадам Галлар неожиданно пригласила меня провести две недели в их поместье в Бетари, и моя мама не возражала.

Я думала, Андре встретит меня на вокзале, но, выйдя из поезда, с удивлением увидела мадам Галлар. Она была в черно-белом платье, широкополой черной соломенной шляпе с маргаритками и с бантом из белого фая на шее. Она приблизила губы к моему лбу, но не коснулась его.

– Как вы доехали, дорогая Сильви?

нами во время Второй Пунической войны (217 г. до н. э.).

– Прекрасно, мадам, но, боюсь, я вся черная от угольной пыли.

В ее присутствии я постоянно чувствовала себя слегка виноватой; у меня были грязные руки, наверняка и лицо тоже, но мадам Галлар вроде бы не обратила на это внимания, у нее был рассеянный вид; машинально улыбнувшись служащему на перроне, она направилась к двуколке, запряженной гнедой лошадью, отвязала намотанные на столбик вожжи и легко вскочила в коляску:

– Садитесь.

Я села рядом. Мадам Галлар опустила руки в перчатках, державшие вожжи.

– Я хотела поговорить с вами до того, как вы встретитесь с Андре, – сказала она, не глядя на меня.

Я похолодела. Какие наставления я сейчас получу? Или она догадалась, что я больше не верю в Бога? Но тогда зачем пригласила меня?

– У Андре неприятности, нужно, чтобы вы помогли мне.

Я тупо переспросила:

– У Андре неприятности?

Меня смутило, что мадам Галлар вдруг заговорила со мной как со взрослой, в этом было что-то подозрительное. Она дернула вожжи и цокнула языком, лошадь потихоньку тронулась.

– Андре никогда не рассказывала вам о своем приятеле Бернаре?

– Нет.

Двуколка выехала на пыльную дорогу, обсаженную с обеих сторон белыми акациями. Мадам Галлар молчала.

– Владения отца Бернара граничат с владениями моей матери, – заговорила она наконец. – Он из тех басков, что разбогатели в Аргентине, там он и живет основную часть времени с женой и другими детьми. Но Бернар – болезненный мальчик, он плохо переносил тамошний климат и все детство провел здесь со старой тетушкой и воспитателями. – Мадам Галлар повернулась ко мне. – Как вы знаете, после своего несчастного случая Андре прожила целый год в Бетари, и весь этот год она лежала пластом на доске, а Бернар каждый день приходил с ней поиграть. Андре было больно, скучно, одиноко, и потом, в их возрасте это ничего не значило, – сказала она извиняющимся тоном, что сильно меня озадачило.

– Андре мне ничего не рассказывала.

У меня сдавило грудь. Захотелось выпрыгнуть из коляски и броситься бежать, как когда-то я бежала из исповедальни аббата Доминика.

– Они встречались каждое лето, вместе катались верхом. Оба были еще совсем детьми. Но сейчас выросли.

Мадам Галлар попыталась поймать мой взгляд, в ее глазах было что-то похожее на мольбу.

– Понимаете, Сильви, не может быть речи о том, чтобы Андре и Бернар когда-нибудь поженились. Отец Бернара ка-

тегорически против, так же как и мы. Поэтому мне пришлось запретить Андре с ним видеться.

Я пробормотал наобум:

– Понимаю.

– Она в ужасном состоянии. – Мадам Галлар снова бросила на меня взгляд, одновременно недоверчивый и умоляющий. – Я очень рассчитываю на вас.

– Как я могу помочь? – спросила я.

Слова слетали у меня с языка, но я не вкладывала в них никакого смысла, я не понимала и те, которые доносились до моего слуха, в голове у меня стояли грохот и мрак.

– Отвлеките ее, поговорите о чем-нибудь, что ее интересует. А потом, если представится случай, образумьте ее. Боюсь, как бы она не заболела. Но сама не могу с ней поговорить.

Она явно была встревожена и подавлена, но я ей не сочувствовала, наоборот, я возненавидела ее в тот момент.

– Постараюсь, – пробормотала я сквозь зубы.

Лошадь бежала рысью по аллее из красных дубов и наконец остановилась у большого особняка, увитого диким виноградом, – я видела его фотографию у Андре на камине. Теперь понятно, почему она так любила Бетари и прогулки верхом, о чем думала, когда у нее туманился взгляд.

– Здравствуйте!

По ступенькам крыльца спускалась улыбающаяся Андре. На ней было белое платье и зеленое ожерелье, стриженые во-

лосы блестели как шлем; она выглядела настоящей взрослой девушкой, и я вдруг подумала, что она очень хорошенькая. Это была совершенно нелепая мысль, мы не придавали никакого значения красоте.

– Сильви, вероятно, хочется привести себя в порядок, а потом спускайтесь к ужину, – сказала мадам Галлар.

Я последовала за Андре через вестибюль, где пахло крем-брюле, свеженатертым полом и старым чердаком; ворковали горлицы, кто-то играл на рояле. Мы поднялись по лестнице, и Андре открыла одну из дверей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.